

Пойдите на «Каса маре»!

СПЕКТАКЛЬ шел утром. Впереди был еще нескончаемый день. Но казалось немислимым, что могут существовать еще какие-то впечатления, которые вытеснят или заслонят только что пережитое. Наверное, это и есть полнота впечатления от встречи с настоящим искусством. И весь день хотелось говорить каждому встречному: «Пойдите на «Каса маре». Пожалуй-ста, пойдите на «Каса маре!»

— Как жаль, что у нас только одна земля и только одно небо...

Долго будут звучать в памяти эти последние слова Любови Добржанской, вслед за которыми начал закрываться занавес. Его крылья складывались так медленно, точно тот, кто заведует в театре этим маленьким делом, на сей раз больше всего желал, чтобы рубильники и тросы его не послушались. Этого хотелось и нам, сидящим в зале.

Однако у каждого события есть конец. Занавес был послушен. Он постепенно закрывал пронизанную южным осенним солнцем сцену и до поры щадил только одинокую фигуру прекрасной, но уже стареющей женщины, что стояла посередине своей Каса маре — празднично убранной горницы, лучшей горницы в молдавском деревенском доме. Вся — смятение и покой, страсть и достоинство, женщина стояла там, где прошла ее жизнь, посреди своей ка-

са маре, видевшей столько же радостей, сколько и бед. Она стояла там — воплощенное воспоминание о прожитом и воплощенное ожидание будущего, не то жертва, не то баловень жизни. Нет, не жертва и не баловень, а властительница жизни — благодарная хозяйка отпущенной ей судьбы. И пока щадил ее занавес, мы, навсегда покоренные этой женщиной, взволнованно и тоже благодарно прощались с ней в удивительный час ее жизни — то ли самый горький, то ли самый счастливый час.

Так горький или счастливый?

Не найти однозначного ответа на этот вопрос. И вряд ли нужно его искать. Любой однозначный ответ убавил бы ровно наполовину правду человеческих чувств, тонкое превратил бы в грубое, глубокое — в плоское.

Отчего так празднично убрана Каса маре? В третий раз она убрана так. Первого мы не видели: то было давно, до войны, в дни замужества. Потом потекли вдовьи годы. Все мечталось, что кто-то новый, любящий, придет в этот дом. Но он не приходил, а годы не медлили. И так велика была эта неутоляемая жажда любви, что Василице стало казаться: она овдовела во второй раз. Но все-таки Каса маре была снова празднично убрана. Просто так. Может быть, от предчувствия. Мо-

жет быть, только от полноты нестигаемой жизни. И тогда пришел молодой деревенский красавец, гуляка, сердцеед Павэлаке. Он пришел, чтобы остаться, покоренный тем же, чем и мы: нескончаемой женственностью и волевой добротой, поэтичностью ума и смятенностью чистого сердца. Годный ей в сыновья, он стал ее мужем. И настоящая любовь сделала его настоящим человеком.

Отчего же в третий раз празднично убрана Каса маре?

Ведь только что произошло непоправимое: Василица добровольно отреклась от своей последней любви. Только что скрылся за деревьями солнечного сада Павэлаке. Он не хотел уходить, она заставила его сделать это силой своей любви. В созерцании юности других, в живом ощущении молодости самого Павэлаке ей открылось начало собственной идущей старости. И в минуту этого драматического открытия она сказала себе со всей естественностью и жиз-

нелюбием своей природы: годы, которые нам все приносят и все уносят от нас, ему будут еще все приносить, а от меня будут все уносить, он еще не понимает того, что понимаю я, но он достоин всей полноты жизни, и лучше ему уйти...

Только что, уходя, Павэлаке попросил подарить ему что-нибудь на память. Но любой подарок — ничто при таком расставании. И она со странной улыбкой, как волшебница в сказке, подарила ему сады, поля, леса, землю и небо Молдавии. Она одарила его жизнью. И большей щедрости не бывает.

— Как жаль, что у нас только одна земля и только одно небо...

«Как жаль, что нельзя жить дважды!» — прозвучало в ее голосе, удивительном голосе Василицы — Добржанской.

Так отчего же так празднично убрана Каса маре в этот ее горчайший час? Может быть, оттого, что он еще и счастливейший? Этот час

расставания еще и час дарения. Но что же оставила она себе? Что оставила ей жизнь? Она сейчас вся в ожидании встречи с сыном, который, наконец, приезжает домой. Она оставила себе материнство. Это не подвластное времени счастье приберегла ей жизнь. Вот еще и поэтому празднично убрана Каса маре в третий, всем ее жизнелюбием и великодушием заслуженный раз.

Закрывшийся занавес должен был тотчас раздвинуться вновь, чтобы позволить зрителям неистощимыми аплодисментами приветствовать победу автора, режиссера, художницы, актрисы и ее товарищей по спектаклю. Занавес должен был разлетаться вновь и вновь. И теперь его крылья не медлили, а и вправду летели, точно тот, кто заведует в театре этим маленьким делом, теперь больше всего хотел, чтобы рубильники и тросы были ему послушны.

Это не рецензия на спектакль и не заметки театрального критика. У меня нет перед глазами даже текста «Каса маре» — замечательно цельной, безупречно тонко правдивой и едва уловимо сказочной драмы молодого молдавского писателя Иона Друцэ. И, вероятно, неточны здесь цитаты — я привожу их по памяти, как случайный зритель, ничего не намеревавшийся писать. Я не делал никаких заметок на программке, как это делают обычно профессиональные театральные рецензенты, хотя на каждом шагу, в каждой сцене можно было бы отмечать талантливость молодого режиссера Бориса Львова и поэтические находки влюб-

ленных в свои роли актеров. Я не зарисовывал легких, почти графических декораций молодой художницы М. Мукосеевой, с умной и радующей условностью изобразившей светлую Каса маре, в которой так славно жить и вольно дышать.

Словом, я не делал ничего, что потом дало бы мне право на развернутую статью об этом спектакле Центрального театра Советской Армии.

Но я шел по полувесенней Москве со счастливым ощущением, что был сейчас свидетелем вдохновляющего события в нашем искусстве. И захотелось без промедлений рассказать об этом просто по памяти сердца.

Вполне обыкновенная жизнь, прошедшая перед нами, вся пронизана духом современности. И это не только во внешних приметах — не только в том, как естественно звучит со сцены слово «спутник». Тут все глубже и тоньше. Дело в нравственной атмосфере борьбы за нового человека, ничем не искаженную человечность. Обыкновеннейшая из женщин молдаванка Василица — открытие: для нее не сыскать литературной предшественницы. В современности этого образа торжествует истинная всечеловечность. Актрисе было что играть! Режиссеру было что ставить! Нам было что смотреть! Посчастливилось всем. Об этой радости искусства мне и хотелось сказать.

Д. Данин.

НА СНИМКЕ: Василица — Л. ДОБРЖАНСКАЯ и Павэлаке — Б. ПЕТЕЛИН. Фото Г. КОРАВЕЛЬНИКОВА.

«Вечерняя Москва»